

Светлана Талан

Своя чужая жизнь

Глава 1

Черный «лексус» привычно повернул в тихий загородный переулок и, спасаясь от шума и удушливой пыли большого и бестолкового города, сразу же попал в роскошную тень, падающую от ярко-зеленых деревьев. Вениамин любил и в то же время ненавидел этот город с его вечным гамом и суетой. Так уж вышло, что здесь он проводил основную часть своей жизни, с головой окунаясь в работу; тут была сеть игровых автоматов, благодаря которой он получал хорошую прибыль.

Вениамин с раннего детства знал, что такое деньги, или, вернее, каково это, когда их нет. Он вырос в детском доме и сейчас с легким презрением наблюдал за тем, как игроки с неистово горящими от азарта глазами постоянно увеличивают его банковский счет. Имея крупное казино почти в самом центре мегаполиса и множество игровых автоматов, разбросанных по маленьким и большим залам, Вениамин сам ни разу не сел за игровой стол. Это был его принцип, и он, как деловой, настойчивый и целеустремленный

человек, всегда его придерживался. Когда Вениамин наотрез отказывался покрутить за бокальчиком пива рулетку хотя бы ради интереса, над ним подшучивали коллеги по бизнесу.

— Боишься потерять свои кровные, Вениамин Сергеевич? — услышал он однажды якобы невзначай брошенную ироничную фразу. Ее произнес его приятель, сидящий за игровым столом.

Вениамин посмотрел на него свысока. Что поделаешь? Иногда и друзья могут задеть.

Он был чрезвычайно самолюбив, и услышанное неприятно резануло его слух. Вениамин сдержал эмоции, подождал, пока в душе утихнет шторм, не спеша сделал глоток холодного пива с белой шапкой пены и, подарив приятную улыбку замершим в ожидании ответа игрокам, достал из бокового кармана пиджака увесистую стопку зеленых купюр и аккуратно положил ее на стол. Вениамин был небедным человеком, но к деньгам всегда относился бережно.

— Сыграйте, ребята, без меня, — сказал он спокойным голосом и опять улыбнулся.

Затем, сделав еще несколько глотков пива, Вениамин не спеша поправил дорогой галстук в синюю полоску и удалился, сославшись на неотложные дела. Таким образом он ясно дал понять, что не принадлежит к многочисленной

когорте игроков. Его проводили молчанием — Вениамина не только уважали, но и опасались. Банальную жизненную истину — для того чтобы тебя уважали, надо, чтобы тебя побаивались, — он усвоил еще в раннем возрасте, когда жил в детдоме и каждый день был похож на испытание.

Вениамин любил свой просторный особняк, который приветливо смотрел на него, настезь распахнув навстречу балконное окно на третьем этаже. Дома мужчину ждала жена Надя, Наденька, Надюша, его солнышко. Он был старше ее на шестнадцать лет, но никогда этого не ощущал. Вениамин знал Надю почти девятнадцать лет, и за это время они ни разу не поссорились, в отличие от многих супругов, которые находятся рядом долгое время. Вениамин отдавал себе отчет, что все это благодаря его синеглазому чуду.

Он устало присел на шезлонг и засмотрелся на Надю. Думая о чем-то своем, она прохаживалась между тихо журчащими ручейками, стекающими по круглым камешкам. Длинные, безупречной формы ноги, выглядывающие из-под короткой джинсовой юбки, были похожи на произведение искусства. Чуть удлиненное загорелое лицо с выступающими скулами, тонким, прямым, аристократическим носом и красивыми, пухленькими, как у капризного ребенка, губами обрамляли длинные, почти до пояса, светлые от

природы волосы. По-прежнему не замечая Вениамина, Надя подошла к одному из ручейков и подставила под струю воды тонкую руку. В другой руке женщина держала маленького пушистого зверька — свою любимицу, рыжую шиншиллу. По тому, как она прижимала к себе зверька, Вениамин догадался, что Надя чем-то озабочена или расстроена.

Он любил незаметно наблюдать за женой. Ее движения были изящными и плавными. Ему нравилось смотреть, как Надя гордо вскидывает голову, отбрасывая назад пышные волосы, как грациозно ходит, ровно держа спину. Вениамин наслаждался, глядя на то, как она хлопочет по дому, как озабоченно хмурит брови, как гнев на ее лице сменяется сияющей улыбкой. Но больше всего он любил смотреть в ее глаза. Они были большие, широко распахнутые, словно удивленные увиденным. А еще они были необычного цвета — то ли морской волны, то ли чистого весеннего неба. В этих ясных глазах, которые не умели лгать, сияли звезды (когда Надя смеялась) или набегали темные тучи (когда она огорчалась). А во время любовной близости в них можно было утонуть...

Вениамин до сих пор не знал, любит его Надя или нет. Он и не хотел знать правду, боясь понять, что жена живет с ним только из чувства благодарности за свое спасение. Но в то же время

Вениамину была неприятна эта недосказанность, поэтому он старался не заикливаться на своих переживаниях, а просто наслаждался жизнью, пока была такая возможность. Он не боялся остаться один, потому что уже знал, что такое одиночество. Однажды в начале лета мать родила его в дубовом лесу и оставила там. Вениамина нашла какая-то старушка, она же попросила дать ему фамилию Дубровин. Прошло некоторое время, и он привык ни на кого не надеяться и никому до конца не доверять. Так было до тех пор, пока он не нашел Надю — в прямом смысле слова.

Мужчина ухмыльнулся, вспомнив те далекие дни. Таких, как он, девушки тогда сами настойчиво искали. Да что там искали! Устраивали настоящую охоту за парнями в малиновых пиджаках, на белых «мерседесах», с тяжелой золотой цепью на груди. А он сам нашел Надю прямо на дороге — остановил свой «мерс», чтобы помочь ей, как он тогда думал, а оказалось, чтобы связать с ней свою жизнь...

— Веня? — вывел его из задумчивости голос жены. — Когда ты пришел? Я не слышала...

Она приблизилась к нему легкой походкой, привычно коснулась мягкими влажными губами его щеки. Вениамин заглянул в ее глаза и не увидел привычных искорок. Это означало, что Надя чем-то огорчена.

— Иди ко мне, — сказал он и протянул к ней

руки.

Надя, как послушный ребенок, присела на колени к мужу и обвила его шею руками. От запаха ее тела, похожего на аромат экзотического цветка, от легкого прикосновения ее пушистых волос к его щеке у Вениамина зашумело в ушах; голова закружилась, словно он пригубил выдержанное вино.

— Анекдот о блондинке рассказать? — спросил мужчина, чтобы увидеть на лице жены улыбку: он безумно любил, когда она улыбалась.

Надя молча кивнула головой.

— Останавливает гаишник блондинку и спрашивает: «Почему у вас машина без номеров?» А блондинка ему: «Ну что вы? Я номера наизусть помню!»

— Это не обо мне, — рассмеялась Надя. — Я, заметь, наоборот, езжу с номерами, но наизусть их не помню.

Лаская жену взглядом, Вениамин посмотрел в ее лучистые, удивительно красивые глаза.

— А я и не сказал, что анекдот о тебе, — усмехнулся он.

— Я хоть и блондинка, но намек поняла. — На лице у Нади появилась ангельская улыбка.

— Какие намеки? Ты самая умная блондинка на всем земном шаре! Даже роман написала...

— Я писала его целый год, — перебила мужа

Надя, и ее глаза погрузнели.

— Какая разница сколько?!

— А потом ни одно издательство не рискнуло его напечатать, — продолжила она.

— Потому что там сидят безголовые, тупые редакторы.

— Да, одна я такая умная. Пришлось издать книгу за свой счет. А для чего? Чтобы увидеть на глянцевого обложке свою «любезно предоставленную издательству» фотографию? Или для того, чтобы эти книги целый год пролежали мертвым грузом на полках, а потом, подняв столб пыли, перекочевали в пункт приема макулатуры?

— Ну, ты перегибаешь палку... Даже если твоя первая книга не разойдется на ура, это не значит, что она плохая. Известность приходит не сразу. К тому же мы можем позволить себе хорошую рекламу, можем раскрутить твой роман, заказать рецензии и опубликовать их в газетах и журналах. Это ведь твое первое произведение, проба пера...

— Венечка, милый, — Надя грустно улыбнулась, — это не проба пера. Это был мой дурацкий каприз. Только сегодня, увидев у себя на столе уже изданную книгу, я поняла, насколько она неинтересная, начиная с нелепого названия — «Незабываемое жаркое лето» — до последней строки: «Она никогда не забудет его пышущее

страстью тело и жадные губы». Литература наверняка покраснела, как вареный рак, когда на свет появился этот «шедевр». — В голосе Нади прозвучала грустная ирония.

— Может быть, ты преувеличиваешь? По-моему, ты чересчур самокритична. — Вениамину очень хотелось хоть как-то утешить жену.

— Нет, Веня, просто я трезво смотрю на свои способности, — вздохнула Надя. — И почему у меня только сейчас открылись глаза?

— Нет ничего страшного в том, что ты не добьешься признания на литературном поприще. У тебя есть много других достоинств.

— Например, то, что я — натуральная блондинка? — уже веселее спросила Надя.

— То, что ты — хорошая жена.

— Такая хорошая, что не предложила поехать мужу, вернувшемуся с работы, и вместо ужина начала лить ему на грудь горькие слезы? — Надя взмахнула густыми черными ресницами, и Вениамин наконец-то увидел в ее глазах веселые лучики.

— Тогда зови Нашу Асю, — сказал он и ласково скользнул взглядом по жене, ловко соскочившей с его колен.

— Не надо Асю, — попросила Надя. — Сегодня я сама хочу подать на стол

собственноручно приготовленные блюда.

Сказала и тут же упорхнула, словно бабочка. Вениамин вздохнул. Конечно, ему было приятно, что за совместно прожитые годы Надя не стала избалованной, ленивой куклой, однако почему-то безумно хотелось услышать в конце ее фразы «для тебя, любимый». Но разве можно любить мужчину с такой внешностью, как у него? Ни накачанных бицепсов, ни густой шевелюры, ни двухметрового роста. Все посредственное: средний рост, средняя полнота, небольшой животик, небольшая лысина, крупноватый нос, второй подбородок... Да еще и разница в шестнадцать лет. Иногда Вениамину казалось, что они с Надей не муж и жена, а заботливый отец и любящая дочь. Временами он думал, что Надя живет с ним только из благодарности за то, что той ужасной осенней ночью он не проехал мимо нее, беззащитной, жалкой, полуживой, а остановился и спас ее...

— Ужин на столе, — нарушил размышления Вениамина тихий голос Нади.

— А свечи будут? — улыбнулся он, увидев, что жена уже переделась и стоит перед ним в коротеньком атласном халатике.

— Не только свечи, но и бокал молодого вина, — улыбнулась она.

— И мы будем вдвоем?

— Да, только ты и я.

Надя протянула мужу руку, и в этом движении было столько изящества, что ей могла бы позавидовать даже королева.

«Откуда у нее такие манеры? — в который раз спросил себя Вениамин. — Может быть, Надя родом из интеллигентной семьи, где девочек с детства воспитывали в строгости и обучали хорошим манерам?»

Было много вопросов и мало ответов. Вениамин ни разу не спрашивал у Нади о том, что было до встречи с ним, не желая причинять ей душевную боль. Он понимал, что она не могла выбросить прошлое из памяти — оно жило в укромном уголке ее души, там, куда не было доступа даже ему, Вениамину, после стольких лет совместной жизни.

«Неужели ей ни разу не хотелось мне открыться?» — думал мужчина за ужином, наблюдая за тем, как жена ловко орудует ножом и вилкой, как грациозно берет в руки бокал с красным вином и делает маленький глоток, наслаждаясь ароматом.

Если она из хорошей семьи, то почему, когда он подобрал ее на дороге, на ней была дешевая немодная одежда?

Вениамин вздохнул и решил больше не мучить себя домыслами, а выбрать удобный момент и поговорить с женой на эту тему. В конце концов,

рано или поздно наступает время, когда хочется расставить все точки над «і», чтобы обрести покой и не теряться в догадках.

— Так значит, ты больше не хочешь писать романы? — спросил Вениамин, почувствовав, что пауза затянулась.

— Нет. — Надя покачала головой и виновато улыбнулась.

— Проигравший сражение еще не проиграл войну, — произнес Вениамин. — Не помню, кто сказал эту умную фразу, но мне она очень нравится.

— Говорят, что хорошая книга всегда найдет своего читателя, а я знаю, что на свете нет таких дураков, которые захотели бы прочитать мой роман. — Надя улыбнулась уголком рта.

— Хочешь, я буду твоим единственным читателем и дураком? Скуплю все экземпляры до единого и буду перечитывать их днем и ночью?

— Ты и вправду дурачок, — засмеялась Надя, но на этот раз в ее смехе была нотка грусти.

— Чем же теперь будет заниматься моя женушка?

— Не знаю. Пока не решила.

— У меня есть знакомый продюсер...

— Игрок?

— Какая разница? — Вениамин небрежно махнул рукой. — Главное, что по моей просьбе он может снять тебя в своем фильме.

Лицо Нади побледнело. От взгляда Вениамина не укрылось то, как дрогнули ее ресницы. Надя сделала судорожный глоток.

— Конечно, на главную роль он тебя не возьмет, но какую-нибудь второстепенную...

— Я никогда не буду сниматься в кино, — тихо, но твердо сказала Надя. — И давай закроем эту тему.

— Может, съездим куда-нибудь? — предложил Вениамин, увидев, что жена еще больше расстроилась.

— Куда?

— Можно, например, провести прекрасный уик-энд в Риме, посетить Колизей...

— Два года назад мы там уже были, — перебила его Надя. — Скучно.

— Тогда давай махнем на остров вечной весны!

— Это где? — спросила она равнодушно.

— Не знаешь?! Тогда нам с тобой обязательно надо побывать на Мадейре, которую называют Жемчужиной Атлантики.

— А что там необычного?

— Пройтись по цветочному ковру — мечта всех романтиков! А ты можешь себе представить сочетание ароматов азалии, орхидеи и магнолии? А какие там вина! Существует легенда о местном купце, решившем вывезти свое вино на континент.

Но получилась маленькая неувязка: часть бочек не поместилась в трюме. Оставил их купец на палубе под палящим солнцем, но на этом все не закончилось. Корабль попал в шторм, и по прибытии в порт обнаружилось, что вино, истомившееся под солнцем, таинственным образом обрело необычайный вкус и оттенок. До сих пор мадеру делают по такому же принципу: вино выдерживают в дубовых бочках на солнце, переворачивая их время от времени.

— Это очень интересно, но ты, Веня, извини меня — мне сейчас никуда не хочется ехать.

— А я бы повалялся на солнце.

— Если хочешь, поезжай без меня, — сказала Надя и, закончив ужинать, вытерла губы салфеткой.

— А почему бы тебе не пригласить Элю? Кстати, что-то я ее давно не видел.

— Она вернулась из Аргентины и просто сошла с ума от танго, — сказала, рассмеявшись, Надя. — Первые па, по ее словам, она исполнила на улицах Буэнос-Айреса, а теперь куда-то бегают брать уроки «этого томного и страстного танца».

— Не хочешь к ней присоединиться? — спросил Вениамин.

— Нет, — ответила Надя немного резковато, что случалось крайне редко.

Вениамин решил, что надо прекратить этот бессмысленный разговор и дать жене возможность

немного успокоиться, привести свои чувства в порядок. Он поблагодарил ее за прекрасный ужин и направился в душ, чтобы избавиться от городской пыли.

Этой ночью он старался быть очень нежным. Надя извивалась от его ласк, тихо постанывала, жадно ловила его горячие губы, но Вениамину показалось, что в это время ее уста оставались прохладными, в глазах не было страсти, а стоны напоминали игру плохой актрисы. Сразу же после того, как все закончилось, Надя вскочила с кровати и почти побежала в ванную, словно спешила смыть с себя напоминания о недавней близости, точно так же, как он чуть раньше спешил смыть с себя городскую пыль...

Мужчина долго не мог уснуть. Ему не давала покоя мысль о том, что с его женой что-то происходит. Возможно, с ней это было и раньше, а он просто ничего не замечал? Или она все эти годы умело притворялась? Вела двойную жизнь? Догадки и предположения подтачивали его изнутри, не давая уснуть.

Вениамину захотелось пить, и он тихонько, чтобы не потревожить сон жены, поднялся и вышел на кухню. стакан холодного фреша и с удовольствием выкуренная сигарета успокоили его, и через несколько минут он бесшумно вернулся в спальню. Было полнолуние, и в незашторенные

окна лился яркий серебристый свет. Надя не услышала, как Вениамин подошел к ней, но, почувствовав на себе его взгляд, вздрогнула.

— Не спится? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Не могу уснуть.

— Что с тобой происходит, ты можешь мне сказать? Только не говори, что все из-за твоей книги.

— Не волнуйся, со мной все в порядке, — ответила Надя и улыбнулась. — Во всем виновато полнолуние...

Даже в полумраке Вениамин сумел разглядеть, что улыбка жены была натянутой.

— Сходила бы куда-нибудь с подружкой, развлеклась, — посоветовал он.

— С Элей? Ее Пупсик не даст ей денег.

— Опять проигрался в казино?

— Они много истратили на поездку в Аргентину. А то, что Лешка просадил деньги, ни для кого не новость. Не будь рядом с ним Эли, он давно бы последние носки проиграл.

— Возьми деньги на двоих, и сходите куда-нибудь. Хорошо? Только завтра же!

— Хорошо, — покорно ответила Надя и в знак благодарности потянулась к Вениамину и коснулась его щеки губами. — А сейчас давай попробуем уснуть.

Мужчина кивнул головой. Он лежал и снова думал о том, что в этом привычном поцелуе в щеку была какая-то неискренность. Было ли так всегда или только сегодня? Вопрос оставался открытым. А еще Вениамин ругал себя за то, что упустил удобный момент поговорить с Надей о ее прошлом. «Возможно, именно в нем кроется причина ее плохого настроения и тоски?» — спрашивал он себя в который раз.

Глава 2

— Куда мы сегодня пойдём? — Эля поправила светло-русые крашенные завитки и уставилась на подругу круглыми карими глазами.

— Веди куда хочешь, — ответила Надя, из-за ее спины глядя на свое отражение в зеркале. — Мне все равно, куда ты меня на этот раз потащишь. Хочется повеселиться и напиться в стельку.

— Это что-то новенькое, — протянула Эля. От удивления ее глаза стали еще больше. — Очень даже интересно будет увидеть тебя пьяненькой.

— А что, я не такая, как все? — спросила Надя, застегивая блестящую пряжку на черных лакированных босоножках, украшенных стразами.

— Если очень хочется, можно все, — ушла Эля от прямого ответа.

Она еще раз придирчиво взглянула на свое

отражение, и ее лицо засияло от осознания собственной неотразимости. Из зеркала на нее смотрела девушка среднего роста с пышной, можно даже сказать, слишком большой грудью, выглядывающей из глубокого выреза ярко-зеленой атласной блузки, недавно купленной в модном бутике Аргентины. Немного полноватые, но все еще стройные ноги были почти полностью обнажены благодаря очень короткой юбке. Ровный морской загар, увеличенные с помощью инъекций биополимерного геля губы и большие глаза с накладными ресницами делали Элю привлекательной. Конечно же, она немножко завидовала естественной красоте Нади, но это не мешало им дружить на протяжении многих лет. Эля не считала ее соперницей, потому что прекрасно знала: подруга, в отличие от нее, никогда не изменяла своему мужу.

— Я готова. — Эля мило улыбнулась.

— Наконец-то! — вздохнула с облегчением Надя. — А то я уж думала, что ты так и не сможешь оторваться от зеркала.

— Не будь язвой, — с трудом отведя взгляд от своего отражения, сказала Эля. — Я где-то читала, что злые люди быстро теряют молодость и здоровый цвет лица.

— Если бы ты прочла мою книгу, то позеленела бы от зависти, — засмеялась Надя.

— Ах ты негодяйка! Вышла в свет ее книга, а она молчит!

— Идем наконец! — Надя схватила подругу за руку и потащила ее за собой. — Я обязательно подарю тебе один экземпляр. Если будет бессонница, прочитаешь страничку — и сразу же уснешь! Никакого снотворного не понадобится.

На этот раз Эля привела ее в ночной клуб, где уже полным ходом шло шоу трансвеститов.

— Тебе здесь нравится? — Сияя от удовольствия, Эля посмотрела подруге в глаза.

Надя не любила эту ее привычку. Эля в такие минуты пододвигалась к ней очень близко, словно пыталась заглянуть прямо в душу, прочитать ее потаенные мысли. Надя отвела взгляд.

— Давай закажем виски, — предложила она. — Я же сказала тебе, что хочу выпиться в стельку.

От выпитого спиртного настроение вскоре улучшилось, и даже переодетые в женскую одежду мужчины стали казаться Наде довольно симпатичными.

— Мне надо еще немного выпить, — заявила она. Ее язык уже заплетался.

И подруги выпили. Сначала виски, потом мартини, затем — шампанского (вместе с трансвеститом).

— А он милый, — пролепетала Надя, глядя,

как от их столика, игриво виляя узкими бедрами, отходит парень в вечернем женском платье.

— Как по мне, гадость. Это просто отвратительно! — ответила Эля. Она опять приблизила к Наде лицо и полушепотом спросила: — Хочешь, я расскажу тебе, как ведут себя в постели итальянцы?

Надя уже не обращала внимания на то, что подруга сверлит ее «рентгеновским» взглядом, и рассмеялась.

— Книг о сексе начиталась? — спросила она.

— В книгах половина вранье. На себе испытала, — с многозначительным видом ответила Эля.

— Ты спала с итальянцем? — уставилась на нее Надя.

— Они в постели само совершенство. Огонь, а не мужчины, — прямо в ухо подруге сказала Эля и добавила: — Но размер, я тебе скажу, мог бы быть и поприличнее.

— Размер?.. Размер чего?

— Ты что, совсем дурочка? — Эля посмотрела на Надю как на полоумную и, надув губы, отвернулась.

Надя прыснула со смеху и взяла подругу за руку.

— Ну не обижайся на меня, — попросила она виноватым голосом и скорчила невинную рожицу.

— Я тебе больше ничего не буду рассказывать. — Эля продолжала смотреть в сторону.

— А правда, что у негров ого-го?.. Сама знаешь что.

— О, если бы ты это видела! — Эля оживилась, ее глаза заблестели. — Да что там смотреть? Надо пробовать! Не переспать с африканцем хотя бы раз — значит прожить жизнь напрасно. Их черные тела обжигают страстью! Понимаешь, у них специфический запах, но он так возбуждает, что устоять просто невозможно. — Эля восторженно закатила глаза и томно вздохнула.

— И когда ты успела все узнать, все перепробовать? Ты же вышла замуж в семнадцать лет! И, в конце концов, твой Пупсик работает частным детективом, следит за чужими неверными женами, а ты у него под носом такое вытворяешь.

— Вот видишь, что значит сила желания! — рассмеялась Эля. — Если чего-то хочется, надо себе это позволить. Жизнь не такая уж длинная, а успеть надо много.

— Я не думала, что детективов так легко обвести вокруг пальца, — сказала Надя.

— Не будь наивной, подруга! Жизнь дана нам не только для того, чтобы разбивать в саду клумбы, но и чтобы успеть понюхать цветы. Я после этого чернокожего на своего Лешку месяц смотреть не

могла. Веришь?

— Почему бы и нет? Давай выпьем еще по чуть-чуть — за здоровье африканцев.

— За них можно, — согласилась Эля. — А вот за китайцев не стоит.

— Это почему? — спросила весело Надя. — У них такие прикольные глазки...

— Они совокупаются как кролики. Понятно, почему у них так много детей.

— Почему же?

— Раз, два — и конец! И опять хочется секса!

Женщины дружно расхохотались. Наде рассказ подруги показался таким забавным, что она еще долго не могла успокоиться и смеялась до тех пор, пока у нее на глазах не выступили слезы.

— Значит, ты не любишь своего Лешку? — спросила Надя, когда приступ смеха наконец прошел.

— Я? Лешку? — Эля забавно наморщила носик, похожий на маленькую картофелинку. — Люблю, но по-своему. Мне нравится, что он неплохо зарабатывает, дает мне свободу, любит меня и вообще не напрягает. А ты любишь своего? Или тоже вышла замуж за толстый кошелек?

— Не знаю, — пожала плечами Надя. — Как-то не задумывалась об этом.

— А ты правда никогда не изменяла Вене? — спросила Эля.

— Правда. А что?

— Просто спросила. И тебе ни разу не захотелось узнать, как ведут себя в постели другие мужчины? — Эля в очередной раз заглянула подруге в глаза.

— А почему ты думаешь, что у меня больше никого не было? — спросила Надя, глотнув виски. — У меня был другой. — Она допила содержимое стакана и добавила: — До Вени.

— Ну и как, есть разница?

— Наверное, — неохотно ответила Надя. — Впрочем, я уже забыла своего первого. Не помню, какой он. Это было так давно...

— А с Веней как? Испытываешь с ним кайф в постели? — допрашивала Эля, довольная тем, что вызвала подругу на откровенность.

— Я ничего с ним не чувствую.

— Как?!

— А вот так. — Надя развела руками. — Вообще ничего. Только безразличие.

— И как... как вы живете?

— Обыкновенно. Я научилась делать вид, будто мне с ним хорошо.

— Получается?

— Вроде бы да. Я охаю и ахаю, как настоящая гейша. — Надя улыбнулась. — Впрочем, это не так уж и трудно. По крайней мере, не труднее, чем обмануть частного детектива.

— Тебе надо сходить к сексопатологу.
Срочно!

— Элечка, на этот раз мне твой совет не пригодится. Я все это уже прошла. Меня лечили иглоукалыванием, травами, таблетками, окуривали каким-то вонючим дымом — бес-по-лез-но! Я — мертвая, и это неизлечимо.

— Постой-постой, ты же говоришь, что у тебя был кто-то еще...

— Ну и что?

— А с ним как было? Так же?

— С ним? — Надя горько улыбнулась. — С ним... С ним... Я не хочу о нем говорить.

— Тебе надо найти кого-то, кто дал бы тебе возможность почувствовать себя настоящей женщиной. Чтобы от страсти ты забилась в мужских руках, как рыба на крючке, чтобы кричала от удовольствия и взлетала к небесам... — затараторила Эля, но Надя внезапно остановила ее.

— Не надо. Я все это уже когда-то проходила. Больше не хочу. Хватило на всю оставшуюся жизнь.

Эля помолчала несколько секунд, а затем предложила выпить еще по пять капель. Надя не отказалась.

— А как ты познакомилась с будущим мужем? — задала вопрос Эля, желая узнать как можно больше, раз уж у ее подруги развязался

язык. — Мой Лешка как-то спросил об этом Веню, так тот чуть не послал его подальше.

— И правильно бы сделал, — ответила Надя.

— Я думала, что у нас нет секретов друг от друга. — Эля обиженно надула губы. Подобных тем разговора Надя всегда избегала, но сегодня Эле удалось подпоить подругу и впервые за годы их дружбы вызвать на откровенность.

— Что именно тебе хочется узнать?

— Я же говорю: как вы с Веней познакомились.

— На приеме у английской королевы. Устраивает такой ответ?

— Да ну тебя! — махнула рукой Эля. — А у тебя есть хоть какие-то родственники? Или это тоже государственная тайна?

— Все люди на этой планете в той или иной степени родственники. Даже обезьяны, по теории Дарвина, наша родня. Элька, вызывай такси. Если я начала говорить про обезьян, значит, точно надралась. Конечная цель достигнута, и мне пора домой. Кстати, если уж зашла речь об обезьянах, у меня есть предложение...

— Такси вызвала, — сказала Эля, пряча мобильник в сумочку и вздыхая. Она никогда не видела подругу пьяной и, чтобы не получить нагоняй от Вениамина, решила побыстрее доставить Надю домой. — А что за предложение?

— Нам с тобой просто необходимо в ближайшие дни навестить наших родственников.

— Каких еще родственников?!

— Каких-каких? Обезьян в зоопарке. Вот каких!

Глава 3

Вениамин сидел на террасе и нервно курил одну сигарету за другой. В его душе был хаос, а он любил порядок во всем. Происходило что-то такое, что внесло в его жизнь дискомфорт. За что бы он ни брался, все валялось из рук. Вениамин копался в себе, пытаясь найти причину душевного беспокойства, но не находил. Он думал о Наде. До последнего времени он считал, что семейная жизнь у них сложилась хорошо, гордился тем, что рядом с ним находится женщина редкого ума и красоты. Надя обладала качествами, которые мечтает видеть в своей избраннице каждый мужчина. Она все схватывала на лету, впитывала новое, как губка воду. Во время поездки в Китай мгновенно освоила тонкости местной кухни. Прекрасно стряпала еврейские и азербайджанские блюда, могла не хуже истинного кавказца приготовить шашлык, а также определить год выдержки французского вина.

Мужчина прикурил очередную сигарету, выпустил кольцо дыма, которое в вечерних

сумерках казалось фиолетовым облачком, и опять вернулся к размышлениям. Когда они с Надей поженились, она не любила футбол и совершенно ничего в нем не понимала. Но, услышав, что ее муж — страстный болельщик, начала посещать вместе с ним матчи, читать футбольное обозрение в газетах и с неподдельным интересом просматривать информацию о футболистах в интернете. Через полгода Наде было известно практически все о команде «Манчестер Юнайтед», за которую так страстно болел Вениамин. Она раньше его узнала, что за выдающиеся заслуги в спорте королева Великобритании Елизавета Вторая посвятила тренера команды Фергюсона в рыцари. Вениамин с удовольствием брал жену с собой на вечеринки, которые устраивали футбольные фанаты. Он гордился тем, что его, именно его, а не чья-то жена предрекла российской команде третье место на Чемпионате Европы в 2008 году.

Вениамин невольно улыбнулся, вспомнив, как Надя спорила с заядлыми болельщиками о том, что Рауль выйдет на поле в основном составе, а Ван Нистелрой будет запасным. Ее пытался переубедить десяток истинных знатоков футбола, но в итоге она оказалась права.

Мужчина снова потянулся к пачке и выудил оттуда последнюю сигарету. В том, что жена у него умница, он убеждался постоянно. Надя не только

прекрасно водила машину, но и могла заменить пробитое колесо и долить масло или охлаждающую жидкость...

Через некоторое время Вениамин с силой раздавил окурки в плоской пепельнице и поднялся, разминая отекавшие ноги. Двор, похожий на кусочек тропиков, незаметно утонул в вечерних сумерках, но мужчина не стал включать свет, словно желал спрятать свои сомнения в ночной темноте. Он прошел мимо летнего бассейна, в котором уже купались яркие звезды, и оказался в небольшом дворике в конце усадьбы. В углу стоял домик из белого кирпича. В нем жили домработница Ася и ее муж Герасим. Вообще-то его звали Андрей Никитич, но из-за того, что у него были проблемы со слухом и речью, Надя с Вениамином за глаза стали называть его именем тургеневского героя. Случайно услышав это прозвище, Ася не обиделась. Она долго смеялась, а со временем и сама стала звать мужа Герасимом. А к Асе прилипло прозвище «Наша Ася», как однажды нарекла ее Надя.

— Ася, — позвал Вениамин, — ты где?

Из окна веранды выглянула круглолицая полная женщина и расплылась в довольной улыбке.

— Здесь я. Где же мне еще быть? Решила Герасиму блинчиков со свежей малиной испечь, а теперь и сама не рада. Уже полчаса вожусь у плиты,

а в тарелке до сих пор пусто. Вот! — И Ася продемонстрировала ему пустую тарелку с синим ободком. — Я не успеваю положить блинчик на тарелку, как он тут же все уплетает!

Казалось, что она возмущенно ворчит, но Вениамин знал, что Ася по натуре очень добрая и с помощью ворчания выражает радость из-за того, что ее стряпня нравится мужу.

— А где же Герасим? — спросил Вениамин, усаживаясь напротив окна, за столик под старой яблоней.

— Ночные фиалки пошел проверить. Им цвести пора, а они не хотят. Будешь блинчики?

— Спасибо, я не голоден, — сказал Вениамин и только теперь вспомнил, что днем на работе перекусил бургером и больше ничего не ел.

— Может, Надюша съест?

— Ее нет дома. Я отправил их с Элей развлечься, — ответил Вениамин, задумчиво глядя на домик.

Когда-то это был его первый дом. Еще во время постройки Вениамин знал, что это только начало. Поэтому и разместил дом в самом конце участка, чтобы было свободное место для большого особняка. Позже к Вениамину совершенно случайно забрели Ася и Герасим. Он решил взять эту бездомную пару на работу (с испытательным сроком в один месяц), и они остались здесь жить.

— С Элей? — недовольно переспросила Ася.

— Тебе не нравится Эля?

— Мне-то все равно, но...

— Говори, Ася, что думаешь, — сказал Вениамин. — Сама знаешь, что ты мне как мать.

— Вертихвостка она! — выпалила женщина, и ее круглые щеки вспыхнули. — И что может быть общего у нашей Наденьки с этой Элей? Они такие разные, как небо и земля! Видите ли, выкрасила волосы под блондинку, чтобы быть похожей на нашу Надю. Да из Эли такая же блондинка, как из коровы балерина! Тьфу! Противно на нее смотреть. Лицо разрисовано, как у матрешки. На уме одни шмотки, кабаки и мужики — больше ничего! Да и что там может быть, если вместо мозгов — пустота?

— Не будь так строга, Ася, — улыбнулся Вениамин. — Они еще молоды, пусть развеются.

— Вот как раз по этому поводу я уже давно хотела поговорить с тобой, Вениамин Сергеевич. — Ася сделала серьезное лицо и поджала губы.

Она выключила плиту и вышла из дому.

— А как же блины? — спросил Вениамин.

— Успеется, — ответила Ася и села напротив.

— Так о чем ты хотела со мной поговорить?

— Может, это и не мое дело, но, по-моему, не стоит отпускать Надю одну и позволять ей где-то шляться по ночам. Не годится это. — Ася покачала

головой.

— Во-первых, Надя уже не маленькая. И потом, я ей полностью доверяю.

— Это хорошо. — Ася тяжело вздохнула. — Жена-то у тебя красавица. Не боишься, что загуляет? Найдет себе кого-нибудь помоложе — и поминай как звали!

Вениамин поднялся и обнял женщину за плечи.

— Асечка, моя хорошая, добрая Асечка! — сказал он, улыбнувшись. — По-твоему, я не думал об этом? Признаюсь тебе по большому секрету, что нанимал детектива, и не раз, чтобы он понаблюдал за моей женой.

— Лешку? — Ася скорчила недоверчивую мину на круглом, похожем на полную луну лице.

— Лешку я знаю давно, мы сто лет дружим. У меня нет оснований ему не доверять.

— Эх, Вениамин Сергеевич, — вздохнула Ася, — проживешь с мое — поймешь, что подводные камни могут быть там, где ты каждый день купаешься. Так значит, ты Лешке поручил эту работу?

— И не только ему. Может быть, это и подло с моей стороны, но Надя мне слишком дорога, чтобы позволить ее кому-то у меня увести.

— Ну и что же выследили эти ищейки?

— Жена мне не изменяет.

— Это точно?

— Точно, Асечка, точно. Я просматривал видеозаписи и своими глазами видел, как ей уделяют внимание молодые люди, дарят цветы, угощают шампанским, как она с ними шутит, танцует, но дальше легкого флирта дело не идет. Надя всегда уходит одна и возвращается домой, то есть ко мне. Так что твои опасения напрасны. — Вениамин легонько похлопал женщину по круглому плечу.

— Не ревнуешь?

— Ревную. Но не хочу держать Надю, как птичку в клетке.

— А вдруг случится так, что она влюбится в какого-нибудь... мачо?

— Насильно мил не будешь.

— Надя хорошая, порядочная женщина, а вот Эля может сбить ее с толку. Чует мое сердце, должно произойти что-то плохое. Не знаю, откуда у меня появилось это предчувствие, но...

— Прекрати, Ася, а то накаркаешь, — перебил ее Вениамин. — Ты мне лучше посоветуй, как расспросить жену о ее прошлом. Как ее разговорить? Чтобы она наконец мне открылась...

— Найми детектива, пусть сначала все разузнает: кто она, откуда, детдомовская или нет.

— Давно бы так и сделал, но до сих пор не знаю даже, где она родилась.

— Неужели так трудно выяснить, откуда она? Ее девичья фамилия нам известна, имя-отчество — тоже.

— Девичья фамилия? — Вениамин криво усмехнулся. — Я прекрасно помню тот день, когда пришел навестить Надю в больнице. До сих пор не знаю, зачем я это сделал, что заставило меня потерять покой, не спать по ночам и все думать о найденной на дороге незнакомке. Веришь ли, Ася, молодой был, самоуверенный, материально обеспеченный, избалованный женщинами, и вдруг перестал замечать что-либо, кроме ее больших синих глаз.

— Отчего же не верить? — Ася добродушно улыбнулась, и ее взгляд стал мечтательным. — Все мы через это проходили. Ты думаешь, я все время была такой толстухой? Когда-то и я была молода и красива, вертела парнями, как хотела, а выбрала глухого и тощего Герасима. Неизвестно, за что мы любим... Что-то я не о том говорю. Что же было дальше?

— Честно скажу, не хотел туда ехать. Думал: спас девчонку, доставил в больницу, передал врачам из рук в руки — что еще? Я тогда не знал, что уже был у нее в плену. Пил, гулял с бабами — не помогает! Стоит перед мысленным взором она, такая несчастная, одинокая, с глазами, которые кричат, просят о помощи, умоляют не оставлять ее

одну.

— И долго ты так терзался?

— Выдержал две недели, а потом накопил всякой всячины, которую обычно приносят в больницу, и поехал. По дороге думал о том, что проведу девчонку, чтобы успокоить собственную совесть. В то время было трудно с лекарствами, а у меня денег полный карман. Решил, что помогу незнакомке их купить, если понадобится. Прибыл в отделение, где ее оставил, и тут узнаю, что ее из реанимации перевели в другую, сама знаешь в какую больницу. Спросил у доктора, в чем причина, а он сказал, что невозможно лечить пациентку, которая все время молчит. Они не знали даже ее имени.

— Бедная девочка!

— Я побеседовал с доктором, и он подтвердил, что она по-прежнему находится в тяжелом состоянии, но беда в том, что она не хочет говорить, даже имя свое не назвала, в общем, не идет на контакт. Я попросил позволить мне ее увидеть.

Вениамин не выдержал и полез в карманы за куревом.

— Черт! Черт! Черт! — выругался он в сердцах. — У меня закончились сигареты!

— Мои будешь? — Ася достала из фартука пачку безфильтровки.

— Конечно! — обрадовался Вениамин.

Женщина молча наблюдала за тем, как его пальцы выбивали мелкую дробь, когда он жадно прикуривал сигарету.

— Я увидел Надю в палате — она лежала на койке. Подошел ближе. Она не обратила на меня ни малейшего внимания. Губы потрескались, на бледном лице ни кровинки, ничего не выражающие глаза устремлены в потолок.

«Я принес тебе апельсины, — сказал я. — Ты любишь апельсины? Хочешь, я очищу тебе один?» — твердил я, как дурак, но на ее лице не дрогнул ни один мускул.

Тогда я чуть не ушел в отчаянии, но что-то подсказало мне: надо сделать так, чтобы она меня узнала.

«Я ехал по дороге. Точнее, по бездорожью. Мой автомобиль раз за разом попадал в глубокие выбоины, погружался в грязь и воду, — снова заговорил я. — Было много, очень много луж, потому что в обед начал сеять осенний дождь, который ближе к вечеру перешел в дождь со снегом. Что поделаешь? Была ведь поздняя осень, в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Я должен был забрать своих друзей-охотников, но заблудился в лесу и чуть не застрял до утра в огромной рытвине...»

Я говорил и говорил, сидя у постели

незнакомки. Она по-прежнему не мигая смотрела в потолок, но ее глаза постепенно становились более осмысленными. Я понял, что она, возможно, не понимает, что я говорю, но по крайней мере вслушивается в мой голос. Тогда я продолжил: «Я ругался матом, когда мой автомобиль бросало из стороны в сторону. Лобовое стекло залепило грязью, но мне во что бы то ни стало надо было найти сторожку и забрать оттуда горе-охотников. Нигде не было ни души, и спросить дорогу было не у кого. Тогда я решил выехать на трассу. Там были указатели, и я мог бы начать поиски заново. Мне ужасно не хотелось ночевать в лесу одному...»

После этих слов Надя еще больше побледнела и закрыла глаза. На миг мне показалось, что она умерла, но девушка тяжело вздохнула, и я опять нарушил молчание: «Я выехал из лесу и с облегчением вздохнул. Дорога была неважная, но здесь я не чувствовал себя затерянным во вселенной. Я подумал, что все не так уж плохо. В салоне автомобиля было тепло и уютно. Я включил музыку и прибавил скорость. Вдруг прямо перед собой я увидел кучу какого-то тряпья и подумал, что кто-то выбросил мусор у обочины, но в следующий миг заметил, что там кто-то шевелится. Резко затормозив, я остановился и вышел из теплого салона. Ветер рванул дверцу машины, но я успел ее удержать. По-прежнему лил дождь и было

ужасно холодно...»

«Холодно?» — еле слышно прошептали губы девушки, и она открыла глаза.

Незнакомка посмотрела на меня с нескрываемым любопытством.

«Я вышел из автомобиля и увидел тебя», — сказал я уже тише.

От ее взгляда я растерялся, как мальчишка на первом свидании.

«Меня?» — переспросила девушка и изумленно захлопала длинными ресницами.

«Это я нашел тебя и привез в больницу, — произнес я, и она молча кивнула головой. В ее глазах застыла грусть. — Как тебя зовут?»

«Надя», — не колеблясь ответила она.

Думаю, она назвала свое настоящее имя.

«Надежда. А отчество?» — спросил я.

«Надежда Антоновна», — сказала она.

«Как твоя фамилия?»

«Фамилия? — переспросила Надя, и на ее лице промелькнуло ироническое выражение. — Найда... Нет, Найденыш. Найденыш моя фамилия».

Я видел, что она сказала неправду, но не стал настаивать и поинтересовался, где она живет. Надя ответила, что родилась и проживает в селе Березки. Что было дальше, ты, Ася, знаешь, а вот села с таким названием, как потом оказалось, нет ни в этом районе, ни в соседних. Я на всякий случай

проверил ее фамилию. Она все сочинила.

— И ты сделал ей паспорт на вымышленную фамилию? — спросила Ася.

— Деньги помогли.

— И она так ничего и не рассказала о своем прошлом?

— Ни слова за девятнадцать лет.

— Не понимаю, — пожала плечами Ася. — Что бы с ней ни случилось, ничего уже не изменишь. Ты ведь не устраивал ей допросов, ни в чем не упрекал, принял ее такой, какая она есть. Зачем же тогда хранить тайны?

— Может быть, воспоминания о прошлом причиняют ей боль?

— Глупости. — Женщина махнула рукой. — Время — лучший доктор. За столько лет заживают любые раны.

— О них напоминают рубцы...

— С человеком, который вытащил ее с того света, поставил на ноги, сделал своей законной женой, можно было бы поделиться самым сокровенным.

— Выходит, что она — женщина без прошлого... Как ты думаешь, Ася, Надя... любит меня или живет со мной из благодарности? — осторожно спросил Вениамин и затаил дыхание в ожидании ответа.

— Разве тебя можно не любить?!

— Лукавишь, Ася! — погрозил он женщине пальцем.

— Правду говорю! Если бы Надя тебя не любила, давно бы вильнула хвостом — и поминай как звали! Но если будет шляться с этой Элей... Тихо! Кажется, у дома остановилась машина. Не наша ли красавица вернулась?

— Пойду встречу. — Вениамин поднялся со скамейки и уже направился к воротам, но затем обернулся и сказал: — Спасибо тебе, Ася.

— За что?

— За откровенность и умение слушать.

— Всегда пожалуйста. — Ася расплылась в довольной улыбке.

Глава 4

— П-п-подождите, мне надо записать номер вашей машины, — пролепетала Надя заплетающимся языком и помахала рукой вслед быстро отъезжающему такси.

— Что-то случилось? — спросил подошедший Вениамин.

— Веня, со мной все нормально. Черт! Где моя ручка? — Надя, покачиваясь, принялась рыться в сумочке. — Мне необходимо записать номер этого таксиста!

— Номер такси, — поправил Вениамин. —

Зачем он тебе?

— Представь себе, водитель такой вежливый. И это в наше время?! Редкой доброты человек, честное слово! — бормотала Надя, пытаясь отыскать ручку, но случайно перевернула сумку, и на землю посыпалось ее содержимое.

— У тебя в руках визитка этого таксиста, — заметил Вениамин.

— Действительно! Что поделаешь? — Надя неприятно засмеялась. — Что можно взять с глупой блондинки?

— Ты не глупая, а пьяная.

— Ну и что? — Надя захлопала глазами. — Мне запрещено пить? С каких это пор?

— Тебе многое позволено, — пробормотал Вениамин. — Почему ты босиком? Где твоя обувь?

— Я же говорила, что надо записать номер его машины! Мои босоножки остались в такси, а каблук у меня в сумочке. Веня, давай догоним эту машину и заберем мои...

— Идем домой, — сказал Вениамин, еле сдерживаясь. Он презирал пьющих женщин, но Надю в таком состоянии видел впервые. — Я куплю тебе новые босоножки. В чем проблема?

— Нет! — Женщина отстранилась от него и чуть не упала. — Это мои любимые босоножки! Ты купил мне их в Германии. Нет, кажется, в Испании... Или все-таки в Германии?

— Господи, что может быть отвратительнее пьяной женщины? — сказал Вениамин и ловко подхватил Надю на руки.

Она сразу как-то сникла, подчиняясь его сильным рукам.

— Ты прав, — тихо проговорила Надя. — Пьяная женщина — это ужасно.

— Откуда ты можешь это знать?

— Я все знаю, — сказала Надя с улыбкой, но от внимательного взгляда Вениамина не укрылась грусть в ее глазах.

— Твоя мать пила, не так ли?

— Пусти меня! — Надя стала на ноги и оттолкнула мужа. — Прости. Я сегодня нажралась как свинья. Знаешь, мне самой противно...

Она повернулась и хотела направиться в ванную, но Вениамин схватил ее за руку и резко повернул лицом к себе.

— Не уходи от ответа, — произнес он настойчиво, не замечая, что сильно, до боли, сжимает ее кисть.

— Ты о чем-то меня спросил? — пролепетала Надя, и Вениамин увидел в ее глазах неподдельный, плохо скрываемый страх. Не растерянность, а именно панический страх.

— Я спросил тебя, Надя, пила ли твоя мать? — повторил он, четко произнося каждое слово.

— Ка... какая мать?

Надя выглядела испуганной и беспомощной — такой же, как в тот день, когда он ее спас, и Вениамин чуть было не отступил. Но все же нашел в себе силы встряхнуть жену за плечи и настойчиво, даже грубо произнести:

— Хватит притворяться! Я живу с тобой столько лет, а ты все молчишь, молчишь, молчишь! Ты прекрасно поняла мой вопрос. Не стоит делать из меня посмешище.

— Посмешище? Что ты несешь?!

— Я ничего не знаю о своей жене. Не знаю, откуда она родом, кто ее родители, как она оказалась одна ночью у дороги. Это неправильно! И несправедливо по отношению ко мне. Ты со мной согласна?

— Нет.

— Но почему?! — крикнул Вениамин.

— Ты ничего не знаешь о своих родителях, и это не мешает нам спокойно жить. Я же не прошу тебя их найти...

— Как ты можешь сравнивать? Меня просто выбросили, как ненужную вещь. Но у тебя же было совсем по-другому, ведь так?

— Что ты хочешь услышать? — устало спросила Надя, и Вениамину на миг показалось, что она готова ему открыться.

— Расскажи мне, как ты жила до встречи со

мной, — попросил он, слегка поглаживая ее шелковистые волосы кончиками пальцев.

— До встречи с тобой я не жила, — ответила она холодно, без эмоций.

— Не зли меня, — с трудом сдерживаясь, процедил Вениамин сквозь зубы. — Я хочу сейчас, немедленно, сию минуту услышать ответы на все свои вопросы. Ты меня поняла?

— Я чувствую себя, как на допросе, — сказала Надя, окончательно протрезвев.

— Хорошо. — Вениамин выдохнул воздух, который сдавливал ему горло. — Давай спокойно обо всем поговорим.

— Я хочу спать.

— Тогда идем в спальню.

Надя прилегла на широкую кровать и уставилась в потолок.

— Что ты молчишь? — тихо спросил Вениамин, присаживаясь рядом.

— Мне нечего говорить. Если ты хочешь узнать о моем прошлом, могу сказать одно: я сожгла за собой все мосты. Точнее, не сожгла, а взорвала, чтобы за клубами пыли не видеть никого и ничего. Не видеть и не помнить. Не помнить и не видеть! У меня нет прошлого! Понимаешь?

— Наверное, кто-то причинил тебе боль, но ведь было хоть что-то хорошее в твоей прежней

жизни?

— Возможно. Но я начала новую жизнь, чтобы ничто не напоминало мне о прошлом. Люди имеют право выбора и всегда могут начать с чистого листа. Я воспользовалась этим правом. В этом нет ничего плохого.

— Так не бывает, милая. Убийца, ставший на праведный путь, никогда не сможет забыть свою жертву. До последнего вздоха перед его глазами будет стоять ее образ. И, сколько бы он ни сделал хорошего, ему не удастся выбросить из памяти человека, у которого он отнял жизнь. Никто не убедит меня в обратном. Человеческая память хранит прошлое, и нам никуда от этого не деться.

— Я не оставила в своей душе места для прошлого.

— Хоть что-то ты можешь рассказать о себе?

— Не сейчас.

— А когда? Завтра? Послезавтра? Или через двадцать лет? Сколько прикажешь ждать? — Вениамин утратил над собой контроль. — Предлагаешь мне опять теряться в догадках, строить домыслы?

— Зачем? — просила Надя тихо. — Давай спать. Уже поздно, и у меня жутко болит голова.

— Разговор, стало быть, у нас не получился. — Вениамин вскочил с постели и взволнованно заходил по комнате. — Хорошо!

Прекрасно! Просто замечательно! Отложим его на неопределенное время.

Надя продолжала безучастно смотреть в потолок. У нее было спокойное, бесстрастное лицо, словно она находилась в полузабытьи. Казалось, возмущение Вениамина ее не задело, не затронуло наболевшую рану.

— Мне ничего не остается, как ждать, когда моя женушка соизволит рассказать о своих предках. — Вениамин никак не мог успокоиться. — Возможно, она из семьи священника? Или ее мать — сельская учительница? Нет-нет! У Нади голубая кровь, ее корни тянутся от самих Романовых. Разве не заметно, какие у нее движения? Аристократические! А может, все иначе? Мать сдала тебя в детский дом и забыла? Или она пила до потери пульса? А?

— Зачем ты так со мной? — спросила Надя тихим, каким-то чужим голосом, но Вениамин уже не мог остановиться.

— Я? С тобой?! Это ты со мной играешь в прятки!

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не думала о том, что мне хотелось бы больше знать о своей жене?

— Что это изменит? Мы ведь как-то жили до сегодняшнего дня, и все было нормально.

— Это у тебя, дорогая, все было нормально!

Потому что ты не пыталась поставить себя на мое место, чтобы понять, о чем я думаю, что меня терзает. Тебе на меня просто наплевать!

— Неправда.

— Правда. И ты прекрасно это знаешь. Если бы ты думала обо мне, если бы ты меня понимала, то еще не раз сходила бы к врачу.

Надя насторожилась и ненадолго задержала дыхание.

— Я совершенно здорова, — сказала она и перевела взгляд на мужа.

— И сейчас ты со мной неискренна. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Ты знал, что я не могу иметь детей, еще девятнадцать лет назад, когда забирал меня из больницы.

— Знал. Тем не менее ты даже не пытаешься что-то изменить.

— Я прошла медицинское обследование, и ты наверняка помнишь, что сказал врач. У меня нет шансов забеременеть.

— Он сказал это десять лет назад.

— Как быстро летит время! Неужели прошло уже десять лет?

— Представь себе! И за эти годы ты ни разу не заговорила о том, что хочешь иметь ребенка.

— От разговоров он не родится.

— Я тебя не понимаю, Надя. Другие женщины

суеются, бегают по врачам, по знахарям, ходят в церковь, в конце концов, а ты не делаешь абсолютно ничего. Даже не спросила ни разу: «Ничего, Веня, что у нас нет деток?» Камень у тебя в груди вместо сердца, что ли?

— Да! — крикнула Надя так громко, что Вениамин от неожиданности вздрогнул и перестал суежливо двигаться по комнате. — У меня нет сердца, поэтому под ним никогда не забьется новая жизнь! Ты это хотел услышать?

Она сидела на постели и смотрела на мужа сверкающими глазами. Даже в гневе Надя была прекрасна. Вениамин задержал взгляд на жене, похожей сейчас на разъяренную фурию, и улыбнулся уголком рта.

— Завтра же поедem в частную клинику и еще раз пройдем обследование. Вдвоем. За последние десять лет медицина шагнула далеко вперед. Не так ли, милая?

Глава 5

— Суррогатная мать — это наш единственный шанс иметь ребенка? — переспросил Вениамин у доктора и пристально посмотрел на него, словно все еще надеясь услышать другой ответ.

— Я практикую тридцать лет, — откинувшись в большом кожаном кресле, ответил седовласый

врач, — и, поверьте мне, бывают необъяснимые случаи. По медицинским показаниям женщина не может иметь детей, а природа говорит: «Может!» Как это происходит и почему, никто не знает. В вашей ситуации я не могу дать однозначного ответа. У вас есть шанс, но довольно мизерный. К тому же с каждым прожитым днем он уменьшается. Было бы женщине двадцать лет...

— Спасибо, доктор, — перебила его Надя. По тому, как подрагивали ее губы и дрожали пальцы, было заметно, что она сильно взволнована. — Мне далеко не двадцать, и давайте не будем себя обманывать. Тем более что мне природа сказала «нет».

Она поднялась, схватила сумочку и уже на ходу тихо произнесла:

— Спасибо. До свиданья.

— Дорогая, подожди меня в коридоре, — донеслись до Нади слова мужа, когда она закрывала за собой дверь.

Женщина вышла в коридор и обессиленно опустилась в глубокое кожаное кресло, которое словно проглотило ее тоненькую фигурку. Надя почувствовала, как горят огнем ее щеки, и приложила к ним прохладные ладони. Стало немного легче. Доктор в очередной раз подтвердил, что она не может иметь детей, и именно это ей хотелось услышать. Надя уже давно смирилась со

своей бездетностью. Ей ничего не хотелось менять в этой жизни. Покончив раз и навсегда с прошлым, она начала жизнь с чистой страницы, выйдя замуж за Вениамина. Много лет Надя плыла по течению, стараясь не думать о детях. Она избегала контактов с ними, не ездила на отдых в компании, если там были малыши, обходила стороной магазины детских игрушек и даже отказалась крестить ребенка своих знакомых. Она панически боялась прикоснуться к детской ручке и старалась, чтобы этого не заметил муж...

Наконец дыхание Нади стало ровным, а щеки перестали гореть. Она была уверена, что Вениамин не захочет искать суррогатную мать и уже через несколько дней у них в доме снова станет тихо и спокойно. Жизнь войдет в прежнее русло, и она опять поплывет по течению, не сопротивляясь и ничего не меняя.

— Надюша, — услышала она рядом голос мужа и невольно вздрогнула. — Заждалась меня?

— Все в порядке. Поедем домой? — спросила она тихо, и, как ни пыталась совладать с собой, ее голос дрогнул, и Надя посмотрела на Вениамина взглядом провинившегося ребенка.

— Доктор хочет поговорить с тобой тет-а-тет.

— О чем?

— Не знаю, но он попросил тебя зайти к нему в кабинет.

— Мне казалось, он все сказал. Может, не стоит?

— Да ты не волнуйся. — Вениамин бросил на жену ласковый взгляд, но Надя от этого лишь еще больше насторожилась.

— Если он хочет поговорить о суррогатной матери... Мы можем обсудить это дома?

— Конечно же, милая, мы обо всем поговорим на семейном совете, а сейчас мне надо срочно отлучиться на полчаса. Я заеду за тобой. Идет?

— Я доберусь домой на такси, — сказала Надя и постучала в дверь кабинета. — Можно?

— Проходите. — Доктор приветливо, но устало улыбнулся, не спеша снял очки и внимательно посмотрел на молодую женщину.

— Если вы хотите поговорить со мной о... женщине, которая родит моему мужу ребенка...

— Вашего ребенка, — поправил доктор. — Я понимаю, что это очень серьезный шаг и к нему должны быть готовы оба супруга. Решение принимать вам, но я хотел поговорить с вами не об этом.

В голове у Нади пронеслась страшная догадка, и она почувствовала, как опять предательски вспыхнули щеки, а по спине пробежал холодок.

— Я... я серьезно больна? — со страхом спросила она. Ей показалось, что сердце перестало

биться в груди.

— Спешу вас успокоить: вы совершенно здоровы, милая. Даже больше, чем другие.

— То есть?

— Вы знали, что у вас три почки?

— Три почки?!

— Представьте себе! К тому же все три полноценные, здоровые и функционируют нормально. Я могу показать вам снимок, на котором вы сами сможете увидеть три почки и три мочеточника.

— Не стоит. Но что это значит? Это хорошо или плохо?

— Это замечательно.

— И эту новость вы хотели сообщить мне в отсутствие мужа?

— Видите ли, Надежда... — Доктор протер очки, а затем с важным видом посадил их на кончик носа, так, чтобы смотреть поверх них на пациентку. — Я не имею права вам что-либо советовать, но хочу добавить, что у вас редкая группа крови.

— Я знаю, третья отрицательная. Не говорите загадками, прошу вас.

— В почке нуждаются многие больные...

— Вы хотите сказать, что я могу стать для кого-то донором? — Надя иронически улыбнулась. — Разве я говорила, что собираюсь

продать свои органы?

— Нет. Да я вас и не заставляю это делать. Мне хочется, чтобы вы осознали: у вас есть лишний, можно сказать, запасной орган, который способен спасти чью-то жизнь. Возможно, в этот момент чей-то ребенок умирает. Он смотрит с надеждой в глаза матери, а той нечего сказать. Что она может ответить? Что ты, мой мальчик, родился с редкой группой крови? Что донора для тебя найти практически невозможно?

— Зачем вы мне все это говорите? — четко проговаривая каждое слово, спросила Надя.

— Потому что вы сами пережили потерю и теперь не можете иметь детей, но природа преподнесла вам подарок в виде третьей почки. Может быть, это неспроста? Ничего случайного в этой жизни не бывает...

— Доктор, вам не кажется, что вы говорите странные вещи?

— Такова жизнь, моя дорогая. Я вас не тороплю. Это ваш орган, и вы его законная хозяйка.

— Я не хочу удалять почку.

— И не надо. Пока не надо. Но в жизни бывают непредвиденные ситуации.

— Например?

— Что-то не срослось, и человеку срочно нужна большая сумма, а почка, заметьте, стоит недешево.

— У нас в семье достаточно денег.

— В семье или у мужа?

Надя задумалась.

— Вы хотите предложить мне что-то конкретное? — спросила она после затянувшейся паузы.

— Я могу занести ваше имя в банк данных. Это ни к чему вас не обязывает, но... Как я уже сказал, мы никогда не знаем, что ждет нас завтра. Так ведь?

— Вы правы, — задумчиво протянула Надя. — Сегодня ты имеешь все, а завтра... Впрочем, это не важно. Можете занести меня в банк данных, но при одном условии.

Надя опять задумалась, словно взвешивая все «за» и «против». Доктор ее не торопил. Он знал, что она должна принять решение, которое может изменить ее судьбу и, возможно, спасти жизнь неизвестного ему пациента.

— Вы можете оставить наш разговор в тайне? — Надя внимательно посмотрела на врача.

У нее были выразительные глаза, и доктор понял, о чем она хотела спросить.

— Вы хотите знать, можно ли мне доверять? — сказал он и улыбнулся. — Отвечу: можете полностью на меня положиться — я умею хранить тайны. Не поверите, но зачастую я знаю то, о чем не догадывается муж.

— О чем же?

— О том, что его сын очень похож на друга семьи.

Надя рассмеялась.

— Доктор, я не могу дать вам ответ сейчас, — сказала она. — Но на досуге подумаю над вашим предложением.

— Ради бога, никогда не принимайте решения второпях! Никто не говорит, что вы должны расстаться со своей почкой как можно скорее.

— Я все взвешу и, если сочту нужным, сама сообщу вам о своем решении.

— Разумно. Надеюсь, вы тоже понимаете, что наш разговор не должен выйти за пределы этого кабинета? Я ведь неспроста решил поговорить с вами наедине. Можете сказать супругу, что мы беседовали о суррогатной матери. Кстати, он надеется, что вы согласитесь на этот шаг.

— Вениамин Сергеевич уже принял решение? Без меня? — спросила Надя, и на миг ей показалось, что земля уходит из-под ног. — Как он мог?!

— Он еще ничего не предпринимал, только...

— Не забудьте занести меня в банк данных, — напомнила Надя сухо, но твердо, и, попрощавшись, быстро покинула кабинет.

Глава 6

Вера еле переставляла ноги. Казалось, на них висели пудовые гири и дотащить их до дома у нее не хватит сил. Она была уже не рада, что взяла на выходные эту подработку. Заказчик оказался извергом. Если бы он сразу сказал, что за два дня нужно будет положить тридцать квадратов плитки, она бы не согласилась. Теперь оказалось, что выходных у нее не было, отдыха тоже, и с Аленкой они увидятся только перед сном.

Женщина зашла в супермаркет, чтобы купить что-нибудь на ужин. Усталость брала свое: не только ныли ноги и спина, но и голова отказывалась соображать. Вера долго бродила между длинными рядами полок с аккуратно выложенными товарами. Машинально положила в корзину полуфабрикаты, вареную колбасу, яблоки для дочери и буханку хлеба. У кассы была очередь, и Вера, стоя позади толстого потного мужчины, чтобы отвлечься от неприятного запаха, начала думать о том, все ли она купила.

— Вот дура! — стукнула она себя ладонью по лбу, и господин Вонючка медленно повернулся и с нескрываемым любопытством посмотрел на Веру.

Она уловила стойкий запах перегара и выскочила из очереди, пока ее не стошнило.

Завтра у ее подруги и соседки по общежитию

Лили день рождения, а Вера вспомнила об этом только сейчас. Нужно купить ей подарок сегодня — завтра будет некогда. Рано утром Вера побежит на автобус, который отвозит рабочих, и допоздна будет трудиться на объекте за городом. Опять устанет и вернется домой, когда уже зажгутся вечерние огни. Да, подарок надо купить сегодня. Но где? Все, кроме продуктовых супермаркетов и уличных киосков, уже закрыто. И тут Вере пришло в голову зайти в отдел «сопутствующих товаров». Пройдя вдоль стеллажей с шампунями, электрическими лампочками и салфетками, она увидела две полки с книгами.

— Уже теплее, — сказала она себе и принялась просматривать корешки.

Лиле было за тридцать, но она ни разу не была замужем и не имела детей. А все потому, что обожала читать любовные романы и жила не в реальной, а в вымышленной жизни. Вера не раз говорила ей, что герои романов — плод авторского воображения и принцев на белых конях не существует. Лиля вздыхала, соглашалась и упрямо продолжала ждать. Книги о любви она читала запоем, не высыпаясь по ночам, а утром заходила к Вере с таким загадочным и счастливым лицом, словно не героиня литературного произведения, а она сама окунулась в мир безумной страсти.

— Могут ли вы чем-то помочь? — спросила

Веру подошедшая девушка-продавец в красной униформе.

— Хочу подарить подруге интересную книгу о любви, — ответила Вера.

Девушка-продавец скользнула взглядом по стеллажу и протянула руку к одному из томиков, но тут же вспомнила, что ей надо продать не те книги, что читатели разметают в день поступления, а те, что месяцами пылятся на полках. Такие произведения у них имелись. Их было не много, в основном они принадлежали перу новых, неизвестных авторов.

— Могу предложить вот эту. — Продавец торопливо протянула руку в дальний угол полки, где томились в ожидании читателя несколько десятков одинаковых книг в ярком переплете. — Уверена, вашей подруге понравится. Мы уже второй раз получаем произведения этого автора... Дубровиной Надежды, и, поверьте мне, их моментально раскупают, — не моргнув глазом солгала она и вручила Вере залежавшийся товар.

— «Незабываемое жаркое лето», — прочла женщина и автоматически положила томик в тележку с продуктами. — Спасибо вам, — сказала она довольной продавщице и устало поплелась к кассе.

Хорошо, что у нее такая добрая соседка. Что

бы Вера без нее делала? На столе стояла миска с жареной картошкой, и от ее запаха у женщины заурчало в животе. Только сейчас она вспомнила, что с утра ничего не ела. Вера подошла к столу, схватила пальцами несколько ломтиков еще теплого картофеля и с удовольствием отправила их в рот. Затем подошла к кровати, над которой тускло горел огонек ночника. Аленка уже спала. В мягком свете она была похожа на ангелочка. Светлые волосы ореолом лежали на подушке вокруг личика, щеки порозовели, полные яркие губы слегка приоткрылись, а длинные черные ресницы едва заметно подрагивали.

— Спи, мое солнышко, — прошептала Вера и легонько, чтобы не потревожить сладкий сон дочери, коснулась губами мягкой теплой щечки.

Прошли еще одни выходные, а они с Аленкой почти не виделись. Женщина тяжело вздохнула и, бросив еще один нежный взгляд на посапывающего во сне ребенка, пошла на кухню — разбирать сумку с продуктами.

Выкладывая продукты в холодильник, Вера подумала о том, что не о такой жизни она мечтала, когда поняла, что ждет ребенка. Ей тогда было под тридцать, и она еще ни разу не была замужем. Вера была счастлива, что забеременела, и наивно полагала, что ее избранник тоже будет на десятом небе. Увидев, что он не разделяет ее восторга, она

все еще надеялась, что ему надо время, чтобы свыкнуться с мыслями о будущем отцовстве. Как потом оказалось, ее любимый испугался. По мере того как у Веры увеличивался живот, мужчина появлялся все реже и реже, пока в один прекрасный день не заявил, что совершенно не готов стать отцом. Наверное, это была единственная правда, которую он сказал в своей жизни. Вера решила, что лучше уж у ее ребенка не будет никакого отца, чем такой. Поплакав в подушку, она переключилась на вскоре родившуюся девочку. Вера не привыкла хныкать, да и жалеть ее было некому. Близких родственников у нее не было, впрочем, как и дальних. Бывший возлюбленный исчез из ее жизни восемь лет назад, да так ни разу и не появился.

Вера захлопнула дверцу холодильника и положила на стол купленную для Лили книгу. Чувствуя, что засыпает, женщина без аппетита пожевала уже остывший картофель. Включив электрочайник, Вера побрела в ванную. Теплый душ придал ей немного сил, и она налила в чашку кипятка и опустила туда чайный пакетик «Липтон». С первым глотком Вера почувствовала, как по ее телу растеклось приятное тепло.

«Завтра будет все как обычно, — подумала она и сладко зевнула. — Утром нужно встать, одеть Аленку, накормить ее завтраком и вручить Лиле, чтобы та забрала ее с собой в школу. Себе в сумку

— кусок колбасы с хлебом — и опять работа допоздна. А как хочется хоть немного отдохнуть!»

Вера думала о том, что если бы у нее был нормальный, работающий муж, то ничего этого не было бы. Она часто мечтала о мужчине, который любил бы детей — она родила бы их ему много-много. Вере хотелось не таскать ведра с цементом, а стирать детишкам носочки, мазать зеленкой разбитые коленки, заплетать по утрам косички, на ночь читать книжки. И ждать мужа с работы, усталого, но счастливого оттого, что в доме порядок, дети спят, на пороге его встречает верная красавица жена, а на столе ждет горячий ужин.

Это были мечты, которыми напичканы женские романы. Вера отодвинула в сторону пустую чашку. Мыть ее уже не было сил, и она решила, что сегодня сделает исключение, оставив грязную посуду на столе. Женщина взяла книгу и отнесла ее в комнату. Вера скользнула взглядом по последней странице обложки, и ее сердце на миг замерло в груди. Женщина не поверила своим глазам. Забыв об усталости, она быстро вернулась в кухню и зажгла свет. Сомнений не было: с обложки на нее смотрела ее сестра Надя!

— Не может быть! Этого не может быть! — шептали губы Веры. В висках громко стучало.

Мощной волной на нее нахлынули воспоминания о бесследно исчезнувшей сестре. С

тех пор прошло девятнадцать лет, и Вера уже не надеялась ее найти. Но она не ошиблась: на фотографии была ее сестра-близнец! В отличие от Веры, у Нади были длинные светлые локоны. Вере пришлось сделать короткую стрижку, потому что с длинными волосами было неудобно работать. Приходилось прятать их под платок, но цементная пыль все равно оседала на волосах, и вечером женщина подолгу приводила их в порядок. У Веры и так было мало свободного времени, поэтому она уже давно с сожалением остригла косы, которыми когда-то очень гордилась.

Если не обращать внимания на прическу, на нее с фотографии смотрело собственное отражение. От волнения Веру бросало то в жар, то в холод. Неужели она сможет наконец найти сестру? Встретиться с ней, обнять, узнать, куда и почему та исчезла на столько лет. Но как это сделать? Вера посмотрела на титульный лист. Сестра носила другую фамилию. Значит, она замужем. Наде повезло больше, чем ей.

Вера больше не могла оставаться в одиночестве. Взяв книгу в руки, она тихонько вышла из комнаты.

— Кто? — услышала женщина за дверью соседки.

— Лилечка, это я, Вера, — ответила она вполголоса. — Открывай!

Дверь открыла заспанная Лиля.

— Что-то с Аленкой? — встревоженно спросила она.

— Тут такое! — сказала Вера взволнованно, вошла к соседке и закрыла за собой дверь. — Помнишь, я тебе рассказывала о своей пропавшей сестре?

— Которая ушла из дому и не вернулась?

— Что-то вроде того. Посмотри. — Вера протянула книгу подруге. — Мы похожи?

Лиле моментально расхотелось спать.

— Как две капли воды! Надо же! Она стала писателем?

— Как видишь. По иронии или капризу судьбы я купила эту книгу тебе в подарок. Представляешь?!

— Ну ты даешь! И бывает же такое!

— Лиля, мне вот что пришло в голову: только ты сможешь мне подсказать, как узнать ее адрес.

— Адрес? — переспросила Лиля и задумалась. — Действительно, нужно ведь ее найти...

— Может быть, написать письмо в издательство и попросить сообщить адрес автора этой книги?

— И ты полагаешь, тебе его дадут?

— Я вышлю им свою фотографию и напишу, что она — моя пропавшая сестра.

— Ты будешь ждать ответа целый год.

— А что тогда делать?

— Завтра на работе я напишу письмо от твоего имени и отправлю его по электронной почте. Идет?

— Хорошо. Только не завтра, а сейчас и со мной!

— Ну Вера! — взмолилась Лиля. — Мне же завтра на работу!

— Ты понимаешь, что я ждала этого дня почти два десятка лет?

— Понимаю, — вздохнула Лиля и направилась к компьютеру.

Глава 7

Надя выехала на «лексусе» мужа со двора, закрыла ворота, потом, немного подумав, вернулась во двор и направилась к Асе. Домработница в это время поливала газонную траву, разбрызгивая фонтанчиками воду из шланга.

— Асечка, я немного прокачусь. Вениамин сказал, что сегодня ему машина не понадобится, — произнесла Надя, подойдя ближе.

— Ты надолго?

— К вечеру буду дома.

— С Элей едешь? — спросила Ася, сморщив нос от одного упоминания об этой женщине.